

О трудолюбіи.

Трудолюбіе—такое преимущество, какимъ мы, русскіе, едва-ли можемъ похвалиться. Оно—не наша добродѣтель. Никогда особенно не отличались мы этимъ свойствомъ. Нѣкоторое время было даже въ обычаѣ противопоставлять трудъ даровитости: даровитый человѣкъ,—таково было довольно распространенное мнѣніе, не трудолюбивъ, трудолюбивый — не даровитъ. Но, кажется, вѣрнѣе полагать, что трудолюбіе источникъ дарованій. Несомнѣнно, по крайней мѣрѣ, что народъ, отличающійся трудолюбіемъ, болѣе изобилуетъ дарованіями, нежели народъ мало проявляющій энергіи въ трудѣ. А главное,—тамъ, гдѣ много и съ любовью трудятся, умѣютъ цѣнить дарованія, которыя поэтому не пропадаютъ даромъ, не гибнутъ, какъ бываетъ иногда у насъ. Пушкинъ сказалъ: мы лѣнны и не любопытны (не любознательны). Конечно, не съ тѣмъ онъ сказалъ это, чтобы насъ похвалить. И литература наша, и наша исторія ясно свидѣтельствуютъ о томъ, какъ мало мы трудолюбивы: типы лицъ, не отличающихся трудолюбіемъ, бездѣятельныхъ, лишенныхъ всякой энергіи, не знающихъ къ чему приложить свои силы,—подобные типы, такъ удачно представлены въ нашихъ литературныхъ произведеніяхъ, что нельзя не признать ихъ взятыми прямо изъ жизни (Обломовъ, Рудинъ, лишніе люди, Герой нашего времени, Онѣгинъ). Напротивъ, изображенія характеровъ энергичныхъ дѣятельныхъ (Констанжогло, Штоль) нельзя признать типичными. Подобные герои труда и пер-

пѣнія, можно сказать, придумывались авторами съ тою цѣлью, чтобы выразить свои желанія. Обратимся ли къ исторіи, и здѣсь мы найдемъ данныя, свидѣтельствующія о малой склонности нашей къ труду. Какова была конечная цѣль реформы Петра Великаго? Не говоримъ о томъ, что самъ онъ сдѣлалъ, но о конечной цѣли всего, что онъ дѣлалъ, всѣхъ его предпріятій и думъ. Самъ онъ на троѣ *вѣчный былъ работникъ*, а каковъ былъ самъ, таковыми же хотѣлъ сдѣлать и вообще русскихъ людей. Петръ Великій стремился возбудить въ русскомъ обществѣ, можно сказать, имъ созданномъ, энергію, желаніе трудиться для блага народа и государства. Сближеніе русскихъ людей съ Европейцами Запада имѣло, конечно, тотъ смыслъ въ памѣреніи Петра, что русскимъ надлежало сдѣлаться настоящими Европейцами, т. е. изобрѣтательными, мыслящими, непрерывно и неутомимо дѣятельными. Но вмѣсто этого, послѣдствіемъ реформы Петра Великаго оказалось на дѣлѣ безразсудное, неразборчивое подражаніе западнымъ обычаямъ и формамъ жизни. Правда, Петръ Великій самъ къ тому принуждалъ, т. е. къ подражанію и перениманію чужого, но усвоеніе внѣшнихъ формъ онъ, конечно, считалъ началомъ, а не концомъ дѣла. Русскій же человѣкъ разсудилъ, что достаточно облечься въ европейскій костюмъ и научиться говорить французскія любезности, чтобы стать настоящимъ Европейцемъ. Опытъ показалъ, что, вмѣсто заимствованія ипоземныхъ учреждений и обычаевъ, болѣе всего слѣдуетъ заботиться о насажденіи просвѣщенія. Нелѣпое подражаніе иностранцамъ, чисто внѣшнее, осмѣивали всѣ благомыслящіе люди. И вотъ со времени Екатерины II-й и правительство, и лучшіе люди изъ общества прилагаютъ всѣ усилія къ тому, чтобы распространить въ государствѣ европейское просвѣщеніе. Особенно ознаменовано этими заботами правительства царствованіе Александра I-го. Но и просвѣщеніе наше оказалось подражательнымъ и далѣе подражанія не шло. Какъ извѣстно, въ

половинѣ прошлаго столѣтія такой характеръ нашего просвѣщенія вызвалъ продолжительные и жаркіе споры между славянофилами и западниками. Славянофилы проводили мысль о необходимости для насъ самобытнаго національнаго просвѣщенія. Западники такъ рассуждали: просвѣщеніе наше, точно, несовершенно, но не въ томъ главный его недостатокъ, что оно не самобытно, не національно, а въ томъ, что оно поверхностно: мы довольствуемся схватываніемъ верховъ европейскаго просвѣщенія, не доходя до его корня. Корень же европейскаго просвѣщенія—въ классицизмѣ, ибо началось оно съ возрожденія классицизма. И вотъ, съ такою же поспѣшностію, съ какою Петръ Великій хотѣлъ сдѣлать насъ Европейцами, насаждается у насъ классицизмъ (въ какихъ нибудь два-три года всѣ крупные и мелкіе города и даже села нѣкоторыя обзавелись классическими гимназіями), и не много времени прошло съ тѣхъ поръ, а уже поднять вопросъ объ уничтоженіи классицизма. Поспѣшность, съ какою у насъ дѣлается именно то, для чего требуется продолжительное время,—что слѣдовало бы скоро дѣлать, то дѣлается у насъ медленно—показываетъ, что терпѣнія у насъ нѣтъ, а при отсутствіи терпѣнія, невозможенъ спокойный, равномѣрный трудъ; мы нетерпѣливы: отъ очарованія быстро переходимъ къ разочарованію, одно увлеченіе смѣняется другимъ; любовь къ труду невозможна при столь неустойчивомъ характерѣ. Намъ знакомъ только трудъ по нуждѣ,—вынуждаемый борьбою за существованіе, трудъ рабскій, а не свободный. Мы понимаемъ любовь къ человѣку: мы добродушны, жалостливы, сострадательны; возмущаемся, когда видимъ несправедливость къ человѣку; но любовь къ дѣлу для насъ менѣе понятна: когда за дѣло берется не понимающій его и неспособный къ нему, это насъ не возмущаетъ. Что касается просвѣщенія, то пока мы остаемся въ недоумѣніи относительно этого предмета, нашлись люди, которые предла-

гаютъ обществу путь къ образованію помимо труда и школьнаго обученія, именно чтеніе приготовленныхъ для той цѣли книгъ (и не дорого это стоитъ), въ которыхъ всякія науки изложены въ самой легкой и общедоступной формѣ. Нѣтъ надобности указывать на то, какъ велико и существенно различіе между начитанностію, которая напрасно называется *самообразованіемъ* и подлиннымъ образованіемъ. Для полученія дѣйствительнаго образованія необходимъ трудъ изученія—спокойнаго, медленнаго и терпѣливаго, а не чтеніе общедоступныхъ книгъ,—по нѣкоторымъ наукамъ—тенденціозно, во вредъ здоровымъ понятіямъ, подбираемыхъ и усиленно предлагаемыхъ обществу. По всему этому вопросъ о трудѣ и трудолюбіи заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія.

Повидимому, нѣтъ надобности разяснять, что такое трудъ, такъ какъ это по опыту всякому извѣстно. Но обыкновенно такъ бываетъ: чѣмъ болѣе знакомо намъ по опыту нѣкоторое явленіе, и чѣмъ менѣе мы обращаемъ вниманія на это явленіе, какъ уже сдѣлавшееся для насъ обычнымъ, тѣмъ затруднительнѣе для насъ оказывается установить точное понятіе объ немъ и правильно его изяснить. Наичаще встрѣчается въ жизни и становится для насъ обычнымъ вѣдь то, что имѣетъ ближайшую и необходимую связь съ коренными началами и законами нашего существованія. А вѣдь установленіе и изясненіе таковыхъ началъ и законовъ составляетъ, можно сказать, главную задачу и движущій мотивъ едва не всѣхъ научныхъ изысканій. О трудѣ въ особенности должно сказать, что изъ всего извѣстнаго намъ по опыту—это есть самое человѣческое явленіе жизни, т. е., явленіе по преимуществу, можно даже сказать, исключительно свойственное человѣку, такъ что разяснить, что такое трудъ, дать опредѣленное и обоснованное понятіе о трудѣ, значитъ представить нѣкоторый, если не всеобъемлющій, то

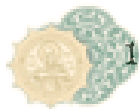

многообъемлющій и вмѣстѣ опредѣленный взглядъ на чело-
вѣческую жизнь.

I.

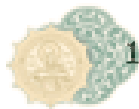
Трудомъ называется расходование силъ, имѣющихся въ нашемъ организмѣ; расходуетъ-же мы свои силы на борьбу съ препятствіями къ осуществленію какого-либо нашего желанія. Желанія наши или исполнимы легко, или вовсе не исполнимы, или исполнимы *съ трудомъ*. Такимъ образомъ крайними границами труда служить, съ одной стороны, неисполнимое, а съ другой, легко исполнимое. Для труда остается изъ всего желаемаго лишь то, что исполнимо не безъ усилій съ нашей стороны; понятно, что чѣмъ болѣе важности имѣетъ для насъ выполненіе извѣстнаго нашего намѣренія, чѣмъ больше требуется для этого усилій. Но это оцѣнка труда субъективная; она далеко не всегда совпадаетъ съ объективною цѣнностію труда: ничтожная въ сущности цѣль можетъ иногда стоять для насъ большихъ хлопотъ и усилій. Поэтому должно различать субъективныя и объективныя условія труда. Вотъ съ этихъ то сторонъ и слѣдуетъ разсматривать вопросъ о трудѣ.

Трудъ, какъ сказано, состоитъ въ расходованіи энергіи трудящагося. Простѣйшій и наиболѣе явный видъ таковой энергіи представляетъ собою энергія мускульная, проявляемая въ трудѣ физическомъ. Мускульная энергія состоитъ въ движеніи различныхъ органовъ нашего тѣла. Но не всякое движеніе частей нашего тѣлеснаго организма называется трудомъ. Сердце наше есть мускулъ, совершающій постоянное движеніе, однако сердцебиеніе и связанное съ нимъ кровообращеніе не называется трудомъ; легкія, желудокъ также находятся въ непрерывномъ движеніи, пока человекъ живетъ. Но есть-ли это трудъ? Никто не говоритъ о чело-

вѣкъ спящемъ, что онъ трудится, напротивъ, состояніе сна въ качествѣ отдыха, покоя противопоставляется труду, а вѣдь и во снѣ движеніе внутреннихъ органовъ нашего тѣла продолжается. Правда, мы говоримъ: сердце работаетъ, легкіе работаютъ, но уже одно то, что въ этомъ случаѣ работу мы относимъ не къ человѣку, которому принадлежитъ сердце, легкія, а къ самимъ этимъ органамъ, показываетъ, что въ настоящемъ случаѣ мы имѣемъ лишь человѣкообразный способъ выраженія,—такъ называемый антропоморфизмъ, ибо когда, на примѣръ, человѣкъ занятъ ручною работою, то мы о человѣкѣ говоримъ, что онъ работаетъ, трудится, а не говоримъ этого о рукахъ, относимъ трудъ къ человѣку, а не къ рукамъ. Но, быть можетъ, понятіе о трудѣ у насъ возникаетъ лишь при видѣ движенія вѣшнихъ частей тѣла, именно рукъ и ногъ. Однако бываютъ случаи, что человѣкъ во время сна—въ лунатизмѣ и сомнамбулизмѣ переходитъ съ мѣста на мѣсто, дѣлаетъ передвиженія, иногда очень трудныя и опасныя, занимается даже писаніемъ, но никто подобныхъ занятій не назоветъ трудомъ. Слѣдующій примѣръ наглядно показываетъ, какое различіе въ особенности надо имѣть въ виду, когда рѣчь идетъ о трудѣ: человѣкъ пахнетъ землею. Почему мы говоримъ это о человѣкѣ, а не о лошади, на долю которой въ этомъ случаѣ, повидимому, падаетъ большая часть труда, почему также не говоримъ этого о плугѣ, или сохѣ? Въ этомъ примѣрѣ ясно выступаетъ различіе между субъектомъ труда и орудіями труда. Сами по себѣ орудія труда, хотя-бы исполнили то же самое дѣло, при отсутствіи субъекта не могутъ дать намъ того, что называется въ собственномъ смыслѣ трудомъ. Ясно, что трудъ не есть просто движеніе, ни сложная система движеній,—но движеніе, исходящее отъ субъекта, способнаго не только сознавать, но и направлять его, опредѣлять для него цѣль. Одно сознаніе также нельзя признать достаточнымъ для характеристики

труда: я могу сознавать, т. е. болѣе или менѣе ясно ощущать пульсацію крови въ членахъ своего тѣла, но это не есть для меня трудъ, такъ какъ движеніе это не управляется мною. Управлять движеніемъ значить сообразовать его съ извѣстною цѣлью, напередъ установленною и ясно представляемою. Не надо смѣшивать цѣлесообразность, какъ особый признакъ процесса, или устройства, съ актомъ установленія цѣли и согласованія съ нею: внутреннія движенія нашихъ органовъ, какъ сказано, нельзя назвать трудомъ, однако это движенія вполне цѣлесообразныя. Признакъ цѣлесообразности лежитъ въ основаніи многихъ антропоморфизмовъ, относящихся къ интересующему насъ вопросу о трудѣ. Такъ мы говоримъ: машина работаетъ, имѣя въ виду, конечно, цѣлесообразный характеръ ея движеній и полезность для насъ результатовъ этихъ движеній. Поэтому-же и вообще движеніе, въ которое преобразуется та или иная сила природы,—теплота, электричество, называется работой; свойственныя муравьямъ и пчеламъ дѣйствія указываются нерѣдко въ качествѣ примѣровъ трудолюбія, достойныхъ подражанія, хотя на самомъ дѣлѣ этого рода дѣйствія можно разсматривать просто какъ органическія отправления, существенно не различающіяся отъ процессовъ кровообращенія, пищеваренія; видно это изъ того, что подобныя дѣйствія всегда одинаково исполняются и всѣми индивидуумами того-же рода—съ одинаковымъ искусствомъ; можно считать доказаннымъ, что самыя цѣлесообразныя дѣйствія насекомыхъ исполняются ими безсознательно и безотчетно; разумность этихъ дѣйствій—свойство объективное, а не субъективное,—животныя имѣютъ это свойство, но не владѣютъ имъ. Итакъ, цѣлесообразности одной недостаточно для того, чтобы простое или сложное движеніе можно было признать трудомъ: необходимо для этого присутствіе сознательной воли, отъ которой должно исходить движеніе, именуемое трудомъ; сознательная же воля

есть соединеніе хотѣнія и представленія, мысли и рѣшимости—начать и исполнить какое-либо дѣйствіе. Ясно, что механическое движеніе преобразуетъ и даетъ ему значеніе труда душа человѣческая: когда мы влагаемъ мысль, чувство, волю въ движеніе, происходящее по механическимъ законамъ, то такое движеніе не есть болѣе движеніе, а трудъ. Бываетъ-же это тогда, когда движеніе или система движеній, предназначенныхъ служить средствомъ для желаемой цѣли, требуетъ обдуманности и усилій воли при своемъ исполненіи, когда одинаково возможны различныя отклоненія отъ предполагаемой цѣли, и требуется устранить всякія случайности, могущія причинить эти отклоненія. Поэтому мы въ правѣ утверждать, что изъ всѣхъ живыхъ существъ на землѣ одному только человѣку свойственно трудиться; одинъ только онъ трудится въ собственномъ смыслѣ этого слова и ему лишь предназначено трудиться. Понятно теперь почему мы относимся къ труду съ уваженіемъ: само по себѣ движеніе, въ чемъ-бы ни состояло, и какъ-бы ни было для насъ полезно, нельзя уважать. Разгадка этого заключается въ томъ, что именно душевные элементы: мысль, чувство, усиліе воли составляютъ сущность труда. Безъ этихъ элементовъ трудъ есть не болѣе, какъ механическое движеніе, не различающееся существенно ни отъ какого иного движенія въ природѣ. Справедливо поэтому то политико-экономическое ученіе, что трудъ есть основной и первоначальный источникъ цѣнности. Какъ извѣстно, цѣнностію называется то качество, которое вещи, полезныя для человѣка, или могущія быть таковыми, пріобрѣтаютъ вслѣдствіе приложенія къ нимъ труда. Цѣнность, въ сущности, то же, что полезность, но только не сама собою данная, а достигаемая чрезъ трудъ. Воздухъ необходимъ для человѣка и слѣдовательно—вещь полезная, однако самъ по себѣ не есть цѣнность, но воздухъ сжатый, или превращенный въ жидкость, а равно часть воз-

духа, искусственно добытая—кислородъ,—это уже цѣнности, ибо для добыванія этихъ вещей нуженъ трудъ... Вещи, добытыя трудомъ, и потому получившія значеніе цѣнностей, становятся предметами купли и продажи, оплачиваются деньгами, т. е. обмѣниваются на деньги, что называется *цѣною*; цѣна—измѣняющееся по закону спроса и предложенія на рынкѣ выраженіе цѣнности продуктовъ труда. Накопленіе вещей цѣнныхъ, какъ равно и денегъ, служащихъ орудіемъ обмѣна, называется капиталомъ, въ первоначальномъ-же и собственномъ смыслѣ капиталъ составляютъ матеріалъ и орудія, необходимыя для производства цѣнностей,—т. е. вещей, служащихъ на рынкѣ предметами обмѣна (купи и продажи). Ясно, что принципиальной, существенной противоположности между трудомъ и капиталомъ не существуетъ. Для насъ важно то, что духовныя силы—умъ, чувство, воля преобразуютъ вещи въ цѣнности, т. е. въ предметы болѣе или менѣе важные для насъ, такъ что пріобрѣтеніемъ ихъ и обладаніемъ ими мы дорожимъ, а потому очевидно сами духовныя силы, какъ источники всякихъ цѣнностей должны быть выше всякой цѣны, должны быть безцѣнны, и душа человѣческая не должна быть ни въ какомъ случаѣ предметомъ купли и продажи. По Евангелію пріобрѣтеніе цѣлаго міра не можетъ быть для человѣка достаточнымъ вознагражденіемъ за гибель его души.

Выше сказано, что трудъ мускульный—самый простой и болѣе явственный видъ труда. Какъ очевидны для всякаго первичныя, такъ называемыя насущныя потребности—пищи, питья, одежды, жилища, такъ-же точно никакому сомнѣнію не подлежитъ важность и необходимость труда физическаго, назначеніемъ котораго служить именно обезпеченіе названныхъ элементарныхъ нуждъ. Поэтому неудивительно, что и на трудъ умственный—этотъ особый видъ труда—духовнаго, а не физическаго, многіе смотрятъ, какъ на

видоизмѣненіе труда физическаго, при чемъ различно оцѣнивается этотъ видъ труда, смотря потому считается-ли это дальнѣйшее видоизмѣненіе труда мускульнаго развитіемъ и усовершеніемъ, или же, напротивъ, уклоненіемъ отъ нормы и извращеніемъ правильнаго естественнаго состоянія силъ челоѣка. Впрочемъ, эта различная оцѣнка разныхъ видовъ труда—физическаго и духовнаго, болѣе зависитъ отъ различныхъ взглядовъ на цивилизацію, какъ на продуктъ умственнаго труда: для однихъ цивилизація—усовершеніе жизни, для другихъ—извращеніе естественнаго нормальнаго состоянія, нѣчто искусственное, измышленное и потому противоположное натуральному. Съ точки-же зрѣнія труда, какъ обнаруженія во внѣшнихъ дѣйствіяхъ органическихъ силъ челоѣка—умственный и физическій трудъ одинаково необходимы. Но при томъ если смотрѣть на умственный трудъ только какъ на видоизмѣненіе труда мускульнаго, въ такомъ случаѣ умственный трудъ теряетъ самостоятельное значеніе и обращается лишь въ пособіе для труда физическаго. Значительное предрасположеніе къ такому взгляду на умственный трудъ замѣчается у представителей политической экономіи, т. е. ученыхъ, занимающихся изученіемъ и разработкой политико-экономическихъ вопросовъ. Научнымъ-же оправданіемъ такого рода оцѣнки двухъ видовъ труда—физическаго и духовнаго служитъ ученіе общепринятое теперь въ естествознаніи о законѣ сохраненія энергіи... Ученіе это утверждаетъ, что въ природѣ существуетъ опредѣленное и неизмѣнное количество энергіи и что поэтому возникновеніе и продолженіе всякаго особаго вида энергіи возможно только на счетъ какого-либо изъ другихъ видовъ энергіи: такъ механическое движеніе можетъ происходить на счетъ теплоты, постепенно убывающей по мѣрѣ продолженія движенія, и, наоборотъ, опредѣленное количество движенія механическаго можетъ быть превращено въ соотвѣтственное количество тепло-

ты (механическій эквивалентъ теплоты). Имѣя въ виду это превращеніе одной формы энергіи въ другую, различаютъ вообще двоякое состояніе энергіи, изъ коихъ одно называется энергіею *потенціальною* (это состояніе предшествующее), а другое—*кинетической энергіей* (это состояніе послѣдующее). Движеніе, слѣдовательно, есть конечная форма энергіи, форма эта называется также работой. Замѣтимъ здѣсь, что едва-ли правильно называется переходъ отъ одной формы энергіи къ другой—*превращеніемъ*: вѣдь теплота также движеніе (молекулярное), а потому когда теплота переходитъ въ движеніе, то собственно одинъ видъ движенія смѣняется другимъ, никакого превращенія при этомъ не происходитъ. Однако этотъ терминъ, какъ увидимъ, имѣетъ важное значеніе. Самыя формы энергіи, хотя энергія постоянно переходитъ изъ одной формы въ другую,—въ природѣ неорганической все тѣ же, неизмѣнно сохраняются, таковы: силы механическая, химическая, физическія силы. Можно, впрочемъ, назвать эти формы энергіи *видами* ея. Но въ природѣ органической и самыя формы энергіи, предполагается, какъ болѣе сложныя, хотя съ чрезвычайною медленностію, также преобразуются постепенно, съ теченіемъ времени являются новые, прежде не существовавшіе, виды организмовъ, происходя, конечно, чрезъ постепенное измѣненіе прежнихъ формъ. Впрочемъ, если признать формами органической энергіи не видовые типы, а степени органической жизни, растительная жизнь, животная—то, конечно, эти наиболѣе общія формы органической энергіи менѣе измѣняемы, нежели виды самихъ организмовъ, а все-же предполагается, что вначалѣ возникла растительная жизнь—чрезъ *превращеніе* дѣйствій физическихъ, а главное—химическихъ силъ, а затѣмъ растительная энергія, въ свою очередь, должна была превратиться въ животную, какъ животная въ человѣческую. Терминъ—*превращеніе* получаетъ, очевидно, въ отношеніи дальнѣйшихъ формъ

энергіи очень важное значеніе: если теплота превращается въ механическую работу, то почему не допустить превращенія химическихъ силъ въ энергію растительную, животную и т. д. Но, какъ замѣчено выше, даже превращеніе теплоты въ движеніе точнѣе слѣдуетъ называть лишь смѣною одного вида движенія другимъ, а не превращеніемъ;—тѣмъ болѣе нельзя говорить о взаимномъ превращеніи силъ природы какъ разныхъ видовъ или формъ энергіи, коль скоро различіе между силами—механическими, химическими, физическими всегда сохраняется неизмѣнно; не вѣрнѣе ли признать, что, вмѣсто превращенія, происходитъ лишь то, что дѣйствіемъ одной силы или одного вида энергіи возбуждается дѣйствіе другого вида энергіи. Эквивалентное отношеніе энергій одинаково допускаетъ и то и другое пониманіе перехода отъ одного вида энергіи въ природѣ къ другому.

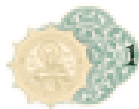
Прилагая законъ сохраненія энергіи къ вопросу о различіи двухъ главныхъ видовъ трудовой энергіи,—физическаго и умственнаго, или духовнаго,—утверждаютъ, что трудъ умственный есть только *превращеніе* мускульнаго труда. Процессъ преобразованія одной формы труда въ другую представляется въ слѣдующемъ видѣ: впечатлѣнія, воспринятія чрезъ внѣшнія чувства (самый процессъ воспріятія требуетъ мускульной энергіи), а равно и чрезъ внутреннее чувство, *превращаясь* въ ощущенія въ мозгу, частію переходятъ затѣмъ въ различныя внѣшнія движенія, частію же задерживаются въ видѣ представленій;—само по себѣ задержаніе ощущеній, которыя, по этой причинѣ, *превращаются* въ представленія, и есть то, что называется памятью (воспроизведеніе-же въ сознаніи удержанныхъ слѣдовъ впечатлѣній называется воображеніемъ). Представленія—не что иное, какъ слѣды воспріятій, т. е. ощущеній, постепенно накапливающіеся въ мозгу и составляющіе тотъ запасъ энер-

гій (энергія потенціальная), который расходуется затѣмъ въ видѣ энергіи кинетической, именуемой иначе работой, т. е., въ видѣ труда. Такимъ образомъ оказывается, что дѣйстви-тельно умственный элементъ необходимъ въ физическомъ трудѣ, но этого недостаточно; если запасъ воспріятій или представлений есть не болѣе какъ энергія потенціальная въ отношеніи къ энергіи мускульной, или физическому труду, а этотъ послѣдній составляетъ собою энергію кинетическую, то умственная энергія въ такомъ случаѣ не имѣетъ самостоятельнаго значенія, а есть только средство къ развитію и усовершенію труда мускульнаго, и съ этой точки зрѣнія должна быть оцѣниваема. Конечно, это такъ, но только если разсматривать и мускульный трудъ, и трудъ умственный *съ точки зрѣнія матеріалистической*. Съ этой точки зрѣнія то, что называется дѣятельностію умственною не что иное, какъ *молекулярныя* (частичныя) движенія первной системы, а трудъ физическій—это совокупность массовыхъ движеній, органомъ которыхъ служить система мускуловъ. Подобно тому, какъ въ паровыхъ машинахъ теплота, которая есть движеніе частичное, молекулярное, превращается въ механическое, или массовое движеніе машины, при чемъ первое движеніе составляетъ энергію потенціальную, а послѣднее—энергію кинетическую, работу, такъ и въ организмѣ человѣческомъ, который въ этомъ отношеніи тоже есть машина, молекулярное движеніе чувствительныхъ нервовъ, чрезъ посредство нервовъ двигательныхъ, превращается въ мускульной системѣ въ разнообразныя движенія вѣншихъ частей тѣла, разныхъ членовъ тѣла, а равно и цѣлаго тѣла. Этимъ объясняется, т. е. матеріалистическою точкою зрѣнія, то, что экономисты склонны умалить значеніе умственного труда и оцѣниваютъ его только какъ пособіе и средство къ труду мускульному. Но вѣдь мы говоримъ не о движеніяхъ, а о трудѣ. Значеніе-же труда движеніе или система движеній,

какъ выше разъяснено, получаетъ единственно отъ присоединенія къ движенію элементовъ духовныхъ, т. е. чтобы получилось понятіе о трудѣ, для этого необходимо потенціальную энергію, предшествуюющую работѣ, понимать не въ соматическомъ смыслѣ, какъ систему молекулярныхъ движеній первнкой системы, а въ смыслѣ психологическомъ, какъ совокупность идей и намѣреній осуществить таковыя. Мысль, представленіе не то же, что первное движеніе, хотя и одновременно происходитъ то и другое (теорія параллелизма). Съ этой-же—не матеріалистической,—иначе фізіологической,—а психологической точки зрѣнія отношеніе между мускульнымъ и умственнымъ трудомъ, сравнительно съ вышеуказаннымъ, оказывается обратное. Трудящійся ставитъ извѣстную цѣль для своего труда, т. е. полагаетъ нѣкоторую идею, мысль, въ качествѣ задачи, и затѣмъ работаетъ надъ осуществленіемъ предположенной идеи, рѣшаетъ свою задачу. Очевидно не умственный процессъ при этомъ, а, напротивъ, процессъ работы, мускульнаго труда является средствомъ и пособіемъ, а главное значеніе принадлежитъ мысли, идеѣ. Конечно, иное задумать, а иное осуществить,—осуществленіе, которое и есть работа, придаетъ важность идеѣ,—предполагая, разумѣется, что идея стоитъ осуществленія, но и въ процессѣ выполненія замысла все же существеннымъ является правящее начало,—опять-таки элементъ духовный,—умственная и вообще психическая сила. Только чрезъ умственную энергію, чрезъ присоединеніе элементовъ духовныхъ, простое движеніе, или система движеній, получаетъ значеніе труда, т. е. того, что служить источникомъ цѣнностей, и есть, слѣдовательно, основная и первоначальная, важнѣйшая цѣнность; поэтому свобода труда дѣйствительно есть великое благо для человѣка. Но говорить о свободѣ труда, о безмѣрной важности человѣческой личности въ правѣ только тогда, кто не смотритъ на человѣческій организмъ, какъ на маши-

ну, кто признаетъ существованіе въ немъ самостоятельнаго духовнаго начала. Между тѣмъ именно это болѣе всего оспаривается и дѣлаются всяческія усилія свести и начало духовное къ простому движенію, не обращая вниманія на то, что этимъ истинное понятіе о трудѣ, въ сущности, устраняется. Извѣстны два способа,—обыкновенно практикуемые, къ тому, чтобы устранить всякую мысль о самостоятельности духовнаго начала. Нѣтъ никакого затрудненія—такъ разсуждаютъ, въ томъ, чтобы признать ощущеніе,—это элементарное психическое состояніе, лишь внутренней стороной,—открытой только для самонаблюденія или внутреннего чувства,—того самого процесса, который въѣвшему наблюденію представляется, какъ нервное раздраженіе, т. е. какъ молекулярное движеніе, и затѣмъ достаточно, говорятъ, одного лишь продолженія въ теченіе нѣкотораго времени этого процесса, чтобы ощущеніе преобразовалось въ представленіе. Но затрудненіе для такого способа изъясненія умственнаго процесса заключается въ томъ, что полученныя и получаемыя воспріятія пробуждаютъ въ человѣкѣ работу мышленія, а такъ какъ способы производства этой работы имѣютъ характеръ общечеловѣчскій, у всѣхъ людей одинаковы, то надо признать эти способы мышленія (апріорными элементами называются) такимъ достояніемъ, которое не пріобрѣтается, а получается каждымъ по закону наследственности путемъ рожденія (называются, поэтому, еще врожденными началами). Спрашивается, какъ впервые образовалось это умственное достояніе всего рода человѣческаго? Чрезъ долговременное, говорятъ, и непрерывное накопленіе чувственныхъ воспріятій. Какъ матеріальный капиталъ есть накопленный трудъ, такъ равно и умственный капиталъ (умственные навыки) есть накопленный чувственный опытъ. Но такое объясненіе представляетъ собою очевидный *circulus viciosus*: вѣдь и въ началѣ, чтобы человѣкъ могъ утилизировать (по-человѣчески разумѣется) воспринимаемыя впечатлѣнія, ему необходим

было уже имѣть нѣкоторые способы умственной активности, иначе сколько-бы времени ни накапливались впечатлѣнія, умственный прогрессъ былъ-бы невозможенъ, какъ онъ остается невозможнымъ для животныхъ, не смотря на то, что послѣднія тоже обладаютъ всѣми чувствами, слѣдовательно, впечатлѣнія получаютъ исправно. Другіе смотрятъ на умъ какъ на дальнѣйшее послѣдующее образованіе въ душевной организаціи человѣка сравнительно съ волею (волютаризмъ). Это другой способъ свести духовную жизнь человѣка къ простому движенію. На первыхъ порахъ своего душевнаго развитія человѣкъ испытываетъ лишь инстинктивные чувственные влеченія, которыя не трудно отождествить съ движеніями внутреннихъ частей тѣла; влеченія, соединяясь съ чувственными воспріятіями, и представленіямъ сообщаютъ активный характеръ, а чрезъ то влеченія преобразуются въ акты хотѣнія и нехотѣнія,—что называется *волей*; представленія же преобразуются въ акты мышленія. Отъ перемѣны названія вещь не можетъ измѣниться. Шопенгауеръ притяженіе, свойственное частицамъ матеріи, называетъ волею; поэтому и, наоборотъ, влеченіе, хотѣніе можно отождествить съ движеніемъ. Но вопросъ въ томъ, что для насъ достовѣрнѣе—влеченіе или движеніе? Для естествоиспытателя, какъ имѣющаго дѣло постоянно съ данными внѣшняго наблюденія, движеніе достовѣрнѣе, ибо это фактъ явный, открытый, но для психолога факты внутренняго опыта, какъ ближайшіе къ нашему сознанію, болѣе достовѣрны, а потому и влеченіе—фактъ болѣе первоначальный и болѣе достовѣрный. А это показываетъ, что во всякомъ случаѣ необходимо различать одно отъ другого,—влеченіе и движеніе, а равно—что влеченіе само по себѣ, безъ помощи идей, представленій, не могло-бы сдѣлаться сознательнымъ и опредѣленнымъ, а безъ пособія размысленія, рефлексіи, не могло-бы перейти въ хотѣніе, рѣшимость.

П. Литицкій.

(Продолженіе слѣдуетъ).